

Штольня ко потали во бетонах стен моих

В комнате моей появилась дыра.

Первые при свершении того чувства были довольно обыкновенны: трепет страха и нежелание принять произошедшее совершенною невозможностию во явлениях прожде самых привычных сильно притупили ум мой и отдалили исследование самого предмета этого, и хорошо: очень хорошо, что я решил не делиться с находкой этой, что я недостаточно ещё сказался умом своим, чтобы отдать дыру эту... точнее, чтобы оверить себя во полной мере той незначительной внешней реакционности, кою могли бы представить приставленные к тому; конечно, можно было бы сказать, будто на этапе этом вещь подобная не пророждает во субъекте чувства столкновения со самою крайнею необыкновенностию: общем, выглядела дыра довольно заурядно; пожелтевшие комьями скатавшейся даже пробившейся слегка небрежными, остоящими ко тому неподоверженными освойствами дел тех колтунами грязи бумаги обои комнаты моей стояли первее материала дыры, и дыру эту ещё нельзя было назвать тоннелем или норой. Безусловно, очень небольшое могло разбить газобетон стены качеством настоящего размаха: безусловно, стена эта разделяется мною со соседями, и потому следовало бы сперва упросить их помочь и объяснить, да... да ничего из этого я не сделал: частично основывается то самым неприглядным, оставляющим рассудочную последовательность на довольно малозначительную оствениями деяний тоих периферию состоянием моим, однако... однако жизнь моя скучна: конечно, первично остоит, что сам я жизнь эту номинировал скучной: ещё бессчётного числа дел и знаний я и субъекты мои не касались, но мне того и не хочется... вероятно, сказать то и осудить за то во услышанном очень просто, однако я бы не хотел низводить прочую неспособность ко моему нежеланию: действительно, состояние моё ближе к неспособности, однако объективных преград я всё же не имею; работаю я пять дней в неделю, и работа моя малоинтересна и тяжела: малоинтересна постольку, поскольку в ней мне удалось достичь видимых высот, а тяжела есть из довольно человеческой нечестности коллег: впрочем, меня почти никогда не привлекали ополнения задание только внешнею делимостью: свершая план, я ясно знал, что план этот не есть дело, когда делом является вещь другая: совершенно другая: та, о которой работодатель не смел бы и попросить, ибо оно было бы уже новаторством: то было бы экспериментом, и... как я считаю, нет смысла свершать дело, если то не есть эксперимент: если делом своим ты только шатко стоишь во основаниях полагающегося ожедневностию необходимого труда своего немощного, то и не стоит, общем, этим заниматься: каждый человек должен свершать то, что у него более получается, и каждое получение это обязано стремиться к развитию: развитие не обязано иметь цель или

идеологическое основание, но труд не должен проходить оспустя рукава и основываться на слабости работника: раз работник слаб, он работе этой не нужен: к сожалению или к счастью, среди коллег считаю так только я, и оттого стал я совершенно лишним: тем, кого, кажется, немного даже и любят, да кем безобразною дерзостью пользуются: я же, повторяю, не сильно против: я приспособил подобную деятельность к предмету и идее своим, да весь офис мой... все коллеги мои есть совершенные бездельники. Может, я и отравился работой: чрезвычайно однотонной и уже механической, и потому сила во трудах моих не становится мне хоть чем-нибудь: выбравшись из оков работы этой, оказывается, что я ничего иного и не умею, и уж точно можно утвердить, что во всём я и близко не так хорош, как в работе своей, и потому я вновь сбегая в неё: потому, не имея совершенно ничего, в выходные я скучаю по работе, где... где труд мой употребляется для других, и оттого... оттого совсем не легче: нельзя сказать, что я желаю ближнему лёгкости и счастья: напротив, видя этих людей: людей, что живут... что кормятся, хвастаются, отдыхают и веселятся только благодаря моему неоплатному труду, я... я не просто завидую, ибо завидовать я не могу... я ненавижу их, и злость эта... сильная, отравленная мною же злость эта не кумулятивна: она очень быстро проходит, стоит мне одно заговорить с ними: стоит только напомнить себе, что люди эти все не бесчестные, а слабые и беззащитные, и... и после ухода со просьбой его я снова вижу, как говорит он с одной из трёх девушек в коллективе, и девушка эта... все три, общем, девушки... пообщайся они немного со мной так же, как общаются с этими просящими, и я тут же искусился бы: я тут же перестал бы думать обо всём другом, и... вероятно, язык мой стал бы заплетаться, а сам бы я страшно опотел, и потому... хорошо даже, что девушки эти со мной не общаются; нельзя сказать, что я некрасив, кос или глуп: действительно, выгляжу я совершенно обыкновенно, и для людей этих я, кажется, самый обычный человек: самый обычный, да с тем только исключением, что люблю работу: страшно люблю работу, и... и даже нельзя сказать, что то не является правдой: не будь работы, не будь и той невероятной загрузки, какую я имею, я бы наверняка сломился: я бы искал другого исхода уму и телу моим, и тогда: тогда, думается, не было бы ничего хорошего... внутри себя я человек самый мелкий, самый лишний, хотя обо мне так никто и не думает, и то не одно домыслы или желания думать подобным образом: порой я даже и вызываю серьёзное, обособленное даже ото знания о моём трудолюбии уважение, которое порой коллеги и озвучивают, и удивительно, как только они так выдумали себе всё: как только они придумали, будто возможно это, будто может человек быть до помешательства увлечён отчётами и таблицами... и ведь помешан не во год или два, а гораздо... гораздо больше... мною они вообразили, видимо, миф: миф, легенду, которые создают почти все люди для себя во упрощениях суждения о ближнем, и... миф этот удобен даже, в уме он вполне артикулируем, и вполне множество мифов таковых складывается в общество, да ведь... ведь совершенно нет

правды в мифе этом: ведь ясно: ведь должно хоть самые немощные продолжительностями своими мгновения с человеком таковым провести, как ты начнёшь чувствовать, как ты начнёшь понимать, что миф этот никак не согласуется с реальностью, что косвенность эта есть только следствие соприкосновения другой косвенности с другой неконечностью, и во ходе этом окрывается то даже, что человек пытался бы скрыть, и весь этот сложный, тяжёлый даже клуб уже нельзя никак распутать: уже не получится продолжать явления чистот духа своего, и не удастся никак человеку действительно уточнить реальности те... и во наслоениях того, что я мог бы отринуть, от чего я мог бы отказаться, я и нахожусь все выходные дни свои: вероятно, настоящей силою было бы то же оскотление мыслей всех этих и начало ведения себя аз я ести и аз я стал-де, да... да я пока только в процессе, и только нечастые зачатки того продолжают о мне...

Утром я вышел из дома: пропахшая избыточностью сказавшейся на материи потолка моего уже довольно значительно осевшей целыми жирными комами чернеющих, так скоро спространяющихся ко середине комнаты моей ото стороны с окнами и балконом пласов плесенью сырости квартира, тем не менее, всегда имела приятный именно скоростями обличаний долгих лет нахождений моих здесь запах, и по приходе я кажимыми столкновениями реальностей реакций ко тому делал самые обычные бытовые дела: и переобувался я совершенно спокойно внешне, когда ноздри мои набухали жирными пузырями домашнего, тёплого и своею некосненностью приковеневшегося явлениями тоих восполженных, причинившихся должностями мгновения преований себя-де ко осходящемуся волнениями уставленных психологичностью оказаний тех положаний осредений тела воздуха; в день, когда вдыхал я воздух этот с прежнею приятностью: в день, когда я ни в чём не нуждался и всё же был мучим мыслями о вещах совершенно невещественных, я столкнулся с дырой.

С пять минут я рассматривал её и не решался с ней овзаимодействовать, боясь обратиться и к фонарику; примерно семь минут я нарочито обавленную продолженностью времени овсего переодевался и мыл руки, довольственной театральностью озора направившись в зеркале ко лицу своему; двадцать минут я ещё неторопливостью оттягивания момента волнующего бродил по квартире, трижды зайдя на кухню и перекусив совершенно неуместной лишней пищи, последний приём которой даже чуть острял во горле моём оскоро прошедшею во успокойственностях дыхания моего стростию: кухня моя устроена самым вседневным времени моему образом, и потому никакая вычурная деталь не могла укрепить взгляд мой на ней даже во прочнем желании: наконец, сходящееся оранжеватостями краснот своих солнце сталоь ниже преливающегося сребристостями неуместно вправляющих светлость шафрановой дымки стен блёсток холодильника, отвлекло меня и приставило

окончательно к тому, чем я должен был заниматься и что должно было, вероятно, занять время моё: неторопливым, ещё полагающимся на столь же неожиданную пропажу дыры шагом я шёл ко вношне во огляданиях со стороны кухни одно чуть содранной поверхности обоев: обоев о высшей степени своей безвкусовых и во многом сошедших недолгими припухлостями своими, обоев, что мне было бы не жаль заклеить, да во испаринах своих я подошёл к дыре этой и осветил наскоро взятым не той стороной, оттого неловко переворачиваемым во первичных пафосах мысли моей старым, включившимся с четвёртого раза фонариком тяжёлое чёрное углубление во стене своей: нора никак не являла во себе света или прочного, хотне выдающегося обликами отосвечивающейся ко яркостям сточения моего земли цвета, и казалось: казалось, что глубина её и направление очень сильно противоречили тому, как и куда выстроен сам же дом этот, ибо всего во пяти метрах вбок положится граница дома, и этаж мой есть пятый, последний, но нисколько не близкий ко земле, да и... да и сам материал, из которого содержалась нора эта, напоминал более камень... материал будто и был как-то связан со землёю, да казался он прочнее кремния и гибче оногo, и я отчего-то ясно: ясно знал, что нору эту нельзя во нынешнем положении своём сказать и употребить во свои должновения.

Трусливо пременив немного настения стёршихся будто ото намеренных долгих косновений со землёй обоев, я очистил дыру от частых бумажных омешательств: действительно, дыра эта не имела никаких подо и надо собой оснований, и никакою связью с соседской квартирой она не пространялась: почему-то удивительно пробудившеюся во мне исследовательскою смелостию я уверенно проник во дыру головой, что помещалась в неё очень легко; и положение норы, и само остояние во нём мне понравилось: окамест то было одно осхищение эстетическою вношнестию того, ритуала того, да... да дыра эта меня увлекла, и сперва чрезвычайно явный страх пред неизвестным скоро сменился заинтересованностию, и заинтересованностию даже более трепетною, чем должно: хорошо, что я не привлёк людей других... хорошо, что не спросил я атеиста, как мне относиться ко благословению Господа, ко направлению его ко содеянию нашему во вере моей и борьбе со греховным во мне ко потали изо само- и богодеянного усилий.

Касаясь горячими ото волнения руками дыры этой, чувство во мне сошлось даже и ко крайней, почти блаженной о недолжностях экстатичности своей удовольственности, однако пытался я мыслить трезво, и большая часть усердия моего была направлена на прямое разглядывание, на обнаружение во том не просто ясности, но доказательности и научности: дыра, безусловно, продолжалась норой, и безусловно, что нора и сама возможность существования её идут вразрез со происходящим в действительности и номинированным нормальным: несмотря на внешние язвенность и грязь, нора эта была гораздо чище тех похоти и гордости, кои я видел в миру и кои я сам с себя постоянно источал; нора оманивала в себя,

и позже я бы не стал увиливать и отказываться от того, что соблазнился в начале главной внешностью и чувством: чувством, во многом описываемым действительностью стремящегося ко исследованию и заделыванию содержательной щели в происходящем рассудка; раздевшись, я, конечно, одал жест и того, что попросту не хотел чернить одежду свою поклонением, да и случилось, что в норе этой я не стыдился ничего и был честен: в норе, кажется, мне были рады, и нора эта была должной.

Раздевшись и довольно аккуратно сложив вещи свои подле, я ещё немного прижал боки к внутренности дыры и влез: влез в нору я крестом тела своего, когда ноги ещё не свершились и не стали во том; едкою дрожью освещая путь пред собою, я менял самую крайнюю непоследовательностью наставления фонаря моего, и уже спустя рост свой я стал ориентироваться не только благодаря рассудку, но и ото нетварной благодати твоей... чрезвычайно решительно и даже поспешно я проник телом своим во нору полностью, и будто даже не успел ещё понять, что произошло: очень скоро свет со комнаты моей огас, и я понял, что: оголённый, полагаюсь я во норе: светский ум мой быстро стащил меня обратно, и Я... именно Я будто правда сопротивлялся тому, да... давший клятву Духом своим не ознается своевременным отказанием Господа ото себя и-де...

Я застрял: двигаться я мог только вперёд: несмотря на проникнувший скатыванием своим уже и сильно книзу пот, тело моё оставалось в еле освещаемой фонарём глубине этой самую прочною крючковатою острою хваткою, и блестели мои глаза ужасом и сомнением, и оложился я так ещё с четырнадцать минут, как левая, не занятая фонариком рука моя затекла уже вопящею болию, и я свершал единственное, что мог: неискусною физическою слабостию своею я способен был только, подобно гусенице, барахтаться во сковывающей тяжести окружности этой, и каждое движение моё... знал я, что каждое шевеление моё продвигает меня далее, к ещё большей скованности, да со временем... точнее, с часом невероятно медленного, не могущего быть сравнимым со скоростью забирания своего сюда спуска конизу, я был всё менее тяготим этою скованностию: примерно спустя час я продвинулся ровно на один ещё свой рост: теперь от дыры и ото квартиры моей меня отдаляли два моих роста, и в освещаемой хоть прогнозируемою безусловностию внимания любого темноте норы я не видел мест, позволяющих развернуться, да и со временем этим словно не являл я уже подобного упорства о том: глаза мои привыкли ко тихой шипящей мгле, а телу такие шевеления уже не доставляли опрошедших вотребований сил: справившеюся оlineйностию я двигался дальше: ещё чорез три часа подобных же премещений я понял, что мог бы и попробовать вернуться уже хорошо употребляемыми в действительность движениями назад, да мне не хотелось: обнаружив сейчас относительно обширное место спереди, я бы развернулся и проник обратно, в свою

тёплую несодейтельную комнату, да... да теплились во мне будто надежды неприсутствия разворота этого, и не хотел сам я оборачивать подобные тяжести ко овращению обратно.

Движения мои получались всё удачнее, несмотря даже и на ухудшающееся положение размеров норы: я уже едва помещался в ней, и постепенно чувствовалось, как выламываются суставы мои: почти не ориентируясь на свет, я легко глянул на сжигающую глаза яркость фонаря, и фонарь смолк: я выбросил его: не употребляя дополнительные силы к тому, двигаться стало немного легче, однако спустя ещё час или десяток тех я застрял: застрял не так, как застрял раньше: откуда-то ко мне ещё сходилась душный тяжёлый воздух, которым я мог дышать, да двигаться я не мог не по высшей воле, а по предметному несовпадению: страх нахлоил меня дополнительными опухольями краснений моих, и в краснотах тревоги я трижды дёрнулся уже известным толком со всех сил, и стёрлись во десяти местах кожи мои до мяса, и сломал я мизинец и безымянный палец на поторопившейся деяниями этими правой руке своей: я заопил и тут же упал в обморок: протрезвев умом, видимо, через пару минут, я очнулся и несдержанностью объекта своего стал кричать ещё громче: горячий воздух норы окутывал параличами не могущие минутами целыми вдохнуть и крохотные, остевшиеся еле ометными во причитанностях златистых орамочноостей тех песками крупницы воздуха тела мои, и стекающие теперь долгими грядами слёзы кусались во рту солёными жилами боли: вены мои словно лопались неспособностью взбухнуть, и тело было изломали отлежанием, и будто чувствовал: чувствовал я, как начинают образовываться пролежни во мне, и: сутки я провёл в квакающем отдельными интервалами невозможности издать хоть какие-то звуки плаче: после времени этого я совершенно изнемог и уснул.

Невероятно... невероятно приятные блаженства солнц темноты этой озарили бездумное пробуждение моё, и во том: во том пробудился я в норе: пробудился я без иных ран и переломов, и долго я ещё, очень долго я безвестностью радости ощупывал правую руку свою, так и не осязнув, что нора стала гораздо шире: настолько шире, что я мог уже ходить на четвереньках здесь, и... и первой же мыслию при внови радостном осязании этого стало совершенно ясное желание, даже единственно возможное в пережитом устремление к возвращению: я слаб, и это я понял: не произойдя чуда данного, я бы сгнил и умер здесь уже ко второму сну, и потому: краткими, уверенными восхищённостью своей шажками коленей я стремился обратно: все двадцать минут, что я проходил удивительно длинный отрывок норы, я представлял, как лягу в тёмную кровать, как заварю сладкий чай и окажусь в горячей, даже обавленной несвечно мне пеной и давно одаренными кем-то буквальною ошибкою из-за незнания, что адресатом станет мужчина, солями ванне, и посвистывание уже появляющегося чувства недолжности подобной длины прекратилось тупой окончечностью барьера: сзади нора не имела выхода: место, в которое упёрлись ноги мои, было даже твёрже прежнего камня, и

чернота глаз моих помутнилась совершенно: частично во знании, что прошлый сон возродил меня, частично во надежде умереть, и даже существующею ещё частностью мысли о происходящем сейчас во сне я бил голову свою самыми сильными раскатами язв обо камень земли этой, и от болевого шока я потерял сознание.

Я проснулся: мутность мысли моей нонешней не может никаким образом сравниться со ясностью прежнего пробуждения: голова моя прилипла бурдовой остывшей чернотой к камню, и лоб мой взбух: случайно прикоснувшись к нему, я залез в сочный, ополненный желтоватую мутнотою гнойник, оставивший на пальце моём тяжёлую вонючую, тут же окинутую вдаль вязь рвотного комка: пытаюсь прийти неопийственным умопомешательством во прежние трезвости, я нащупал задом своим камень сзади, и рефлекторностию поиска хоть какого-то исхода ото того придвинулся вперёд. Двигался я долго и бездумно, и хуже всего было, что в совершенной неясности боли своей... даже не боли, но... но я чувствовал, как руки мои отвердели сферическими бугорами, и бугры эти имели мягкость, подобную мягкости подушечек лап животного: хоть не смог за охождения эти найти фонарик и вовсе ни разу не смог ни на что посмотреть, я чувствовал, что положения глаз моих сменялись удивительною шириною, и нос мой... нос мой вытягивался, и сейчас: сейчас... не только ото пробуждения сна, но... сейчас я превращался в животное... в лысого, в голого худого барсука, и... в бреду думая ещё о том, я остановил шаг свой нескончаемый и попытался одною рукою... одною лапою ощупать иную, и оказалось... оказалось, что на лапах моих положатся длинные острые когти, и мысль эта не взбудоражила и не отвратила меня, но обрадовала: раз я обрёл подобия кротовых когтей, значит... значит, я смогу и пробраться: значит, я смогу сбежать отсюда, и... и боль уже не так сильно волновала меня: кромсающимися сальностию остающейся позади длинным шлейфом крови коленями я быстро продвигал себя, и тело... тело моё похрустывало и изменялось, хотя я... я не был заинтересован в своей метаморфозе, ибо стал увлечён поиском камня... того камня, что я смогу окопать... с долгие сутки ещё непрерывно продвигаясь в норе, я постоянно прощупывал когтями своими поверхности её, и нора эта не просто не сужалась: порой она расширялась и даже изменялась в развилках своих, и... чувствуя развилки эти, я... я думал, как же искусно всё то было сделано... как же... как же хотелось мне сделать то же самое, и... спустя неделю али месяц этих хождений... хождений, когда тело моё уже совершенно потеряло человеческие очертания свои, я нашёл пятно: незначительное, очень маленькое пятно, да такое, что... что скользнуло под когтями моими одавленностию проказавшейся рыхлыми пучками означившихся властью моею вен земли: я нашёл материал, что поддаётся моим когтям.

Я рыл: я не думал, должно ли есть занятие моё, ибо был я во тоннеле этом, и был я таков.

Рыл я невероятно долго, и во продолжительности этой, измеряемой... вероятно, измеряемой годами, я впервые почувствовал голод: впервые я почувствовал телесность свою за долгое время не только болию, и телесность эта мучила меня: годами роя в одном направлении, я решил рыть вбок и вверх: оказалось, что тогда бьют меня копьями златыми с неизвестных мест неизвестные существа, и тогда рыл я в направлении копий этих, пока копыя эти не прекратились: осев довольно надолго в месте этом, я прежнюю трудолюбивостию бродил и рыл: бродил и рыл, хотя во мгновение некоторое почувствовал я слабость и слёг: слёг не болезнию, но сном: и в том снова проявилась телесность моя. Очнувшись, я почувствовал страх: удивительно было, что страх тот был не мой, поскольку страх свой я знал хорошо и даже слишком хорошо: влияние того... влияние чужого страха было мне совершенно неожиданно и непривычно, и я стал рыть туда, где страх этот есть: со временем страх усиливался, и я уже не был уверен, есть ли хорошая идея задействие существа этого ко себе, однако... однако рыл я усердно: рыл я подвижнически, и во итогах крайнею неготовностию столкновения со другим созданием и другим строением я маслянистым орубком плюхнулся в чужую нору: нора эта... то, куда попал я, было норой, и по прошествии всех лет этих я не мог ясно выразиться ко прочному, да... знал я, что существо это боится меня и что находится оно в одном только росте моём ото меня: нора, которой он удачно обзавёлся, встретила врага: встретила другую земную тварь... я не претендую на жилье этого создания, и я не хотел бы... животное, находящееся передо мною, выкинуло что-то: это нечто содержалось из червей, жучков и прочего, что стало мне довольно отвратительно, однако во то же время является для него, вероятно, самым лакомым яством: я учёл жест его и чуть фыркнул собственною благодарностию: я не имею прежней телесности, и потому голод и жажда мои есть только голод и жажда, но не искушение: то есть язвы Христовы, кои я должен снести, однако... однако я понял, что существо расположено ко мне и имеет добрый рассудок, хотя и выделяется большею животностию, чем я: чуть пойдя к нему, я протянул вперёд язык, от которого создание явно испугалось и даже резвою трусливостию направило обратно, да спустя пару секунд то поняло, что язык есть моя самая незащищённая часть, и оттого он поверил мне: я ослеп, и потому не мог его видеть, однако чувствовал, как в жаре его ему страшно, и оттого я прилизал его в надежде хоть собственною влагою остудить его испуг, и долго вздымалась краткая редкая шёрстка его, пока совершенно не стало ему спокойно, пока не стало спокойно и мне: я потрогал лапой голову существа, и существо уже не боялось: оно еле слышно пищало, оно издавало какие-то звуки, да понять эти звуки я не мог: звуки эти были звуками животного, хотя... хотя звуки те и имели невероятную благосклонность... они... они имели большую человечность, чем имел я сам, и потому довольною спешностию я человеческим языком спросил, понимает ли он меня. Спустя непродолжительное

бездейственное замешательство существо запищало и начало прыгать: оно бегало вокруг себя и радостно чесало стенки норы: положив мою руку на свою голову, оно кивнуло: я спросил, может ли оно ответить отрицанием или подтверждением, и оно кивнуло: я попросил соотрицать нечто, и существо повело голову в стороны.

Тяжело произвольно вообразить, какой восторг я почувствовал: вероятно, думал я, создание это получилось так же, как и я, да одно задержалось во норах этих и утратило и те остатки человеческого облика, которые я ещё представлял: мы запрыгали и начали лизать друг друга, переваливаясь в пыльной рыхлой земле, и радость наша не могла быть измерена прежними качествами.

Мы много беседовали: точнее, много говорил я и ещё больше существо кивало: подбором букв я предложил существу указать или выбрать себе имя, да оно не захотело; с месяц мы жили вместе: существо это имело укреплённую площадку и ещё множество различных ответвлений и помещений внутри своей: всё строение это было совершенным шедевром, и я мог только догадываться, как радо было существо тому, что кто-то увидел это и смог оценить: существо наживало, что очень боялось меня и думало даже убить: следующим за подарком действием должно было стать нападение, по крайней мере, в его умах: он, как и я, только воображал всё это, и очень хорошо, что воображал.

Были мы во совершенной идиллии, и существу нравились мои рассказы про путь, который я веду, но существо не было подобно мне: существо не стремилось оздать самовопричинаниями новое, и не хотело оно терять своего лабиринта: долгие ещё сутки я провёл в попытке переубедить его, да всё было бесполезно. Я знал, что путь мой скоро подойдёт к концу и что скоро я найду, что искал. Уходя вниз прямо с его укреплённой площадки, что существо само потребовало оставлением обо мне памяти, я заплакал и ещё множество раз сердечным прощанием своим звал его со мной. Наконец, существо более не фыркало и не пищало.

Я рыл: решительность моя была невестижимой, и более я не мог отступить: отчего-то я точно знал, что рыть мне всего ничего, и это ничто я знал во числе ударов когтей моих скольжениями земли: наконец, я провалился. Подобностию касания норы моего хорошего друга я ощутил на себе падение, которое, тем не менее, не смог должно предупредить: я стал человеком: помещение было хорошо освещено лежащими на полах поверхностей тех... сильно сходными со золотом крупными камнями, и потому... потому увидел я и невероятную худобу свою, и бороду с волосами, окрывающие теперь и орган мой: еле встав, я немощностями своими направился во единственную из сторон, и оправленная сыростию мерзлоты шахта эта становилась всё шире, и свет в ней силился с меня всё сильнее, и проходили немощи мои, и наживались руки и ноги мои силами, и чорез час ходьбы был я уже млад и силён, и во

распростёртой морями схождения ширине этой оказался передо мною... высотой достигал он ста метров, и облика был безоперевшейся, направляющей черноты озарений своих ко мне чайки, и шоркнул он ко мне, и отпали его худые крылья, и сточились они гигантскими, рассёкшими земли эти и руку мою дланями оправого, и бежал я ко нему, и удары слоились блажиями болей в нём, и годами я боролся с ним, и резали меня, и проигрывал я, да не забывал молитвы, и сокрушил он меня наконец, и во тысячной миллиметра остояли длани оправого его ко мне, как оплылись пространства все водою, и сточился он, и обрёлось то, которое внутри нас есть.